

Андрей Белый

Котик Летаев

Белый Андрей. Старый Арбат: Повести.- М.: Моск. рабочий, 1989.-
(Литературная летопись Москвы).
OCR Бычков М. Н. mailto:bmnl@lib.ru

Посвящаю повесть мою той, кто работала
над нею вместе со мною -

- посвящаю Асе ее

- Знаешь, я думаю, - сказала Наташа
шепотом... - что когда вспоминаешь,
вспоминаешь, все вспоминаешь, до того
довспоминаешься, что помнишь то, что было еще
прежде, чем я была на свете...
(Л. Толстой. "Война и мир". Том II)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Здесь, на крутосекущей черте, - в прошлое я бросаю немые и долгие
взоры...

Мне - тридцать пять лет: самосознание разорвало мне мозг и кинулось в
детство; я с разорванным мозгом смотрю, как дымятся мне клубы событий; как
бегут они вспять...

Прошлое протянуто в душу; на рубеже третьего года встаю пред собой; мы
- друг с другом беседуем; мы - понимаем друг друга.

Прошлый путь протянулся отчетливо: от ушей первых младенческих лет до
крутизны этого самосознающего мига; и от крутизны его до предсмертных ушей -
сбегает Грядущее; в них ледник изольется опять: водопадами чувств.

Мысли этого мига тронутся мне вдогонку лавиной; и в снежном крутне
померкнет такое мне близкое, над головою висящее небо: изнемогу я над
пропастью; путь нисхождения страшен...

Я стою здесь, в горах: так же я стоял, среди гор, убежав от людей; от
далеких, от близких; и оставил в долине - себя самого, протянувшего руки...
к далеким вершинам, где: -

- каменные пики грозились; вставали под небо;
перекликались друг с другом; образовали огромную полифонию: творимого
космоса; и тяжко, отменно - громоздились громадины; в скалы провалов
вставали туманы; мертвенно реяли облака; и - проливались дожди; бегали
издали быстрые линии пиков; пальцы пиков протягивались, лазурные многозубия
истекали бледными ледниками, и нервные, бледные линии гребнились повсюду;
жестикულიровал и расставлялся рельеф; пенились, проливались потоки с
огромных престолов; и говор громового голоса сопровождал меня всюду: по
часам плясали в глазах на бегу: стены, сосны, потоки и пропасти, камни,
кладбища, деревеньки, мосты; пурпур трепаных мхов кровянил все ландшафты;
крутизны мокрого пара стремительно выбегали в расколах громадин; и - падали:
между водою и солнцем; обдавал танцующий пар; начинал хлестать мне в лицо;
облако падало под ноги: в космы потока пряталась бурно бившая пена под
молоком; но под ним все: - дрожало, рыдало, гремело, стеноло и пробивалось в
редешшем молоке теми же водными космами...

Я стою здесь, в горах: и потоки все те же -

- с на краю их обсевшими
старыми, деревянно резными домами подножной деревни и с церковною
колоколенкой; "кланчат" звонкие колокольца коров неугомонно и весело - в
серо-черном, в обвисшем, ветром облизанном мире, где бросаются сосны
приступом на чистейшие ледники, чтоб... разбиться о стену; вот подбросилась
последняя сосенка; и - повисла; вон бегущие ветры в ветвях разрешаются в
свисты под черным ревом утесов; вон - гортанный фагот... меж утесами...
углубляет ущелье под четкими, чистыми гранями серых громад; вдруг почувдятся
звуки оттуда: серебристых арфистов, цитристов; там - алмазится снег; там,
оттуда - посмотрит тот с а м ы й (а к т о - т ы н е з н а е ш ь); и - т е м
с а м ы м в з г л я д о м (каким - т ы не знаешь) посмотрит, прорезав
покровы природы; и - отдаваясь в душе: исконно-знакомым, заветнейшим,
незабываемым никогда...

Я стою здесь, в горах: меня ждет - нисхождение; путь нисхождения
страшен...

Мысли этого мига тронутся мне вдогонку лавиной; и в снежном крутне
потускнеет такое мне близкое, над головою висящее небо: изнемогу я над
пропастью.

Через тридцать пять лет уже вырвется у меня мое тело...

Восхождение - благодатно: в нем укрыт счет стремнинам; в воспоминании,
как не бывшие, - они стоят: вот и вот.

Здесь и здесь ты бывал: здесь и здесь. Как же ты не сорвался?

В воспоминании сам с собой говорю: - здесь, на крутосекущей черте: -

"Под ногами все то, что когда-то болезненно из тебя выросло и
что было тобою;

- "что мертвым камнем отваливалось и твердилось утесами...

- "Природа, тебя обстающая, - ты; среди ее угрюмых ушей ты мне
виден, младенец...

- "Ты, как я: ты - еси; мы друг в друге - узнали друг друга: все,
что было, что есть и что будет, оно - между нами: самосознание - в
объятиях наших..."

Самосознание, как младенец во мне, широко открыло глаза и сломало все -
до первой вспышки сознания; сломан лед: слов, понятий и смыслов;
многообразие рассудочных истин проросло и охвачено ритмами; архитектоника
ритмов осмыслилась и отряхнула бывшие мне смыслы, как мертвые листья; смысл
есть жизнь: м о я ж и з н ь; она - в ритме годин: в жестикულიации, в мимике
мимо летящих событий; слово - мимика, танец, улыбка.

Понятия - водометные капли: в неперемежном кипении, в преломлении
смыслов они, поднимая радугу из них встающего мира; объяснение - радуга;
в танце смыслов - она: в танце слов; в смысле, в слове, как в капле, - нет
радуги...

Самосознание, как младенец во мне, широко открыло глаза.

Вихрь там: пережитое - пережито мной; только мной; сознание детства, -
смесится оно, осилит оно тридцатидвухлетие это, - в точке этого мига детство
узнало б себя: с самосознанием оно слито; падает все между ними; листопадами
носятся смыслы слов: они отвалились от древа: и невнятица слов вокруг меня -
шелестит и порхает; смыслы их я отверг; передо мной - первое сознание
детства; и мы - обнимаемся:
- "Здравствуй, ты, странное!"

1915 г. Октябрь

Гошенен - Амстэг - Глион - С. Морис

ГЛАВА ПЕРВАЯ ВРЕДОВЫЙ ЛАБИРИНТ